

Алексей Виноградов

БЕГУЩАЯ ПО ЛЕЗВИЮ 15

КЛЕТКА ДЛЯ МЕДУЗЫ

18+

Алексей Виноградов

Бегущая по лезвию 15
Клетка для Медузы

«Автор»

2026

Виноградов А. В.

Бегущая по лезвию 15 Клетка для Медузы / А. В. Виноградов —
«Автор», 2026

Старый друг и по совместительству начальник полиции Себастьян Моралес просит Нику о помощи в поимке главарей банды, похищавшей и убивавшей девушек. Ника под видом заключенной должна проникнуть в тюрьму, где отбывает срок подруга одного из лидеров группировки, втереться к ней в доверие, а затем организовать побег и с помощью новой подруги выйти на бандитов. Но Ника даже не представляет, сколько жутких тайн ей еще предстоит узнать. Подруги против этой затеи. Моралес ссылается на то, что только Нике это под силу, ведь в криминальном мире ее уже уважают.

Алексей Виноградов

Бегущая по лезвию 15 Клетка для Медузы

Глава первая

Ника сидела за столом и разбирала бумаги - счета за прачечную, накладные на оливковое масло, жалобу из номера двести четырнадцать на слишком жесткий матрас. Телефон трезвонил через каждые пять минут: то новые поставщики сбивали цены, то Марианна с ресепшена не могла найти бронь на фамилию Смит. В конце концов ей это надоело. Она сняла очки, потерла переносицу пальцами, чувствуя, как там залегла сухая усталость. Глаза горели от цифр и мелкого шрифта, она встала и вышла к бассейну. Солнце уже клонилось к горизонту, разливая по воде медовый свет. Несколько постояльцев лениво покачивались на шезлонгах, кто-то читал, кто-то потягивал сангрию через трубочку. В животе приятно заурчало от запаха средиземноморского бриза, смешанного с жареными кальмарами из ресторана. Она остановилась у барной стойки и Торрес, бармен с лицом ветерана боевых действий и идеально выглаженным белым пиджаком, вопросительно приподнял бровь.

- Трудный день? - спросил он, уже протягивая ей стакан с водой и долькой лимона.

- Да, бывает и такое, - она взяла стакан, провела пальцем по ободку, глядя на горизонт.

- Но это лучше...

Она замолчала, не желая вспоминать. Торрес усмехнулся, но глаза его остались серьезными.

- Лучше, чем стрелять?

Ника дернула уголок губ. Подняла взгляд на него - темный, чуть раскосый, с глубокими морщинами у глаз. Торрес знал ее и знал, что он прав.

- Да, Торрес, ты совершенно прав. стакан воды и гора счетов — это лучше.

Она уже повернулась, чтобы вернуться в кабинет, когда в холле послышался повышенный тон. Не крик, но та самая громкая, настойчивая интонация, которая не предвещает ничего хорошего. Ника поставила стакан и быстрым шагом направилась на ресепшн. Марианна стояла за стойкой, сжав губы в тонкую линию. Ее пальцы судорожно барабанили по клавиатуре, а перед ней, развалившись на мраморной стойке, нависал мужчина. Крупный, краснолицый, в гавайской рубашке и с бейджиком на шее. Глаза мутные, дыхание перегаром и он слишком близко наклонился к Марианне.

- Я оплатил этот номер! - орал он, тыча пальцем в стойку. - Оплатил! А тут какой-то соплик из четырнадцатого говорит, что он тут живет! Это не мой соплик, понятно? Я не платил за его грязные трусы!

Марианна побледнела. К Нике подошел Роман.

- Что, утихомирить? - тихо спросил он, напрягая плечи под форменным пиджаком. Он был готов действовать физически.

Ника мягко положила руку ему на плечо.

- Ой, Рома, вам бы лишь кого-нибудь утихомирить... - усмехнулась она. - Смотри и учись.

Она вышла вперед, спокойно, без спешки, как выходят на сцену, когда зал уже шумит. Американец обернулся на звук ее шагов — каблуки по мрамору цокнули раз, два.

- Мистер... - она скользнула взглядом по его бейджику, - мистер Стивенс. Чем я могу вам помочь?

- Ты тут главная? - выдохнул он, окинув ее взглядом. - Отлично! Тогда скажи своему компьютеру, что он ошибся!

- Компьютеры редко ошибаются, мистер Стивенс. Но люди часто. Давайте проверим. Марианна, покажи мне заселение.

Марианна дрожащей рукой развернула монитор. Ника скользнула взглядом по данным.

- Мистер Стивенс, вы заехали позавчера, - сказала она, поднимая на него глаза. - А молодой человек из четырнадцатого номера заселился только сегодня. Вы ошиблись номером. Ваш двести двенадцать.

Он моргнул. Пьяный мозг пытался переварить информацию.

- Двести двенадцать? - переспросил он уже тише.

- Да, сэр. Вид на сад, а не на бассейн, - Ника наклонилась к стойке, понизила голос до конфиденциального, почти интимного тона. - И я бы на вашем месте попросила бокал того самого «Темпранильо», который вы заказывали вчера. Поверьте, с таким видом он идет лучше, чем с бассейном. Кстати, ваш ключ висит на седьмом крючке. Рома, проводите мистера Стивенса до двести двенадцатого. И принесите ему комплимент от отеля - бокал вина и тарелку оливок.

Американец замер. Гнев выветрился из него, как воздух из проколотого шара. Он потер затылок, хмыкнул, что-то пробормотал про «эти чертовы номера» и, уже спокойно, поплелся за Романом. Когда они скрылись за поворотом, Марианна выдохнула, чуть не упав на стул.

- Спасибо.

- Ты молодец. Запомни: пьяный гость — это не враг. Это уставший ребенок, который хочет, чтобы его услышали. Ты слушаешь, он успокаивается. Поняла?

Марианна кивнула. Ника вернулась к бару. Торрес уже поставил на стойку ее любимый коктейль - «Кровавая Мэри» с добавлением хереса, чуть острее обычного. Он знал, что после таких разговоров ей нужно что-то с перцем. Но за стойкой уже сидели две фигуры, которые Ника узнала бы даже в полной темноте.

- О, богини «Лагуны», - усмехнулась Ника, опускаясь на высокий барный стул. - Что за собрание?

Розита отпила красное вино из широкого бокала. Кристина сидела рядом, изящно сложив ноги в идеальных белых брюках. Управляющая, брюнетка с вечной улыбкой и глазами, которые видели все. В руке она держала не вино, а минералку с лаймом.

- Твоя дочь уже спит? - спросила Ника, усаживаясь. - Или Ника тебя настолько достала, что ты вышла посидеть у бара?

Кристина рассмеялась. Смех у нее был заразительный, как звон колокольчиков.

- Уснула, - отмахнулась Кристина. - Твоя тезка вырубилась в половине девятого. Мы с Романом сделали ей ритуал - горячая ванна, сказка про русалку и колыбельная. У Романа смена закончилась и он меня отпустил.

- Слышала скандал, - сказала Розита, глядя на Нику. - Решила спуститься, утихомирить того красномордого туриста. Но ты, Ника, уже все решила.

- Да, - Ника взяла коктейль, который ей подал Торрес, и отпила. Жгучее тепло разлилось по горлу, успокаивая. - Решила. Твой муж Крис, хотел как всегда, кого-нибудь выкинуть. Но я решила проблему.

- Конечно. Увидел агрессию, сразу тянется к нейтрализации.

- Он агент влияния, - поддела Розита. - Агрессии - нейтрализация. Голода - утоление. Кристине цветы. Все триггеры.

Девушки рассмеялись. Смех их разнесся по террасе, смешиваясь с шумом волн и звоном бокалов. Этот смех был их главным оружием против усталости. К барной стойке подошел Луис. Он посмотрел на девушек, потом резко развернулся и ушел обратно в сторону кухни, громко хлопнув дверью. Ника облегченно вздохнула и откинулась на спинку стула.

- Фух... Я думала, опять пришел увольняться.

- Кстати да. С утра у него было желание такое. Проходил мимо меня, весь красный, и заявил: «Гостей много, я не успеваю готовить».

- Ну у него же есть помощники, - пожала плечами Кристина. - Мы ему наняли трех сушефов.

- Ты же знаешь нашего француза, - вздохнула Розита, перебивая. - Он не доверяет поварам. Готовит все сам. Каждую креветку проверяет лично. Он считает, что если он отойдет от плиты, отель развалится.

- Я поговорю с ним завтра. Утром, до завтрака. Скажу, чтобы он взял выходной и доверил ужин своим помощникам. Или я отравлю его собственным же бульоном.

Девушки засмеялись, но смех вышел не таким звонким, как раньше. Розита наклонилась ближе, прищурилась.

- Ника, у тебя лицо странное. Прямо как у той ящерицы, которая сидит на камне и ждет муху. Что случилось?

Ника помедлила. Она хотела сказать: «Ничего». Хотела улыбнуться и перевести тему на новый заказ поставки вина или на то, как Рома снова боролся с уличными котами. Но вместо этого она посмотрела на вход в бар. Там стоял Моралес. В старом кожаном пиджаке, с седой щетиной, с глазами, которые видели слишком много. Он не подошел к стойке. Просто стоял, опершись плечом о дверной косяк и смотрел на Нику. Розита проследила за ее взглядом.

- О, - сказала она тихо. - Это же...

- Моралес, - закончила Кристина. - Начальник полиции. Тот самый.

- Тот самый, - эхом отозвалась Ника, не сводя глаз с мужчины. - И видимо ко мне.

- Зачем? - напряглась Розита. - Ника, ты опять ввязалась в чью-то историю?

- Я не знаю, - сказала она тихо. - Но обычно когда он приходит, я в чем-то виновата.

Она поправила блузку, подошла к Моралесу, остановилась в двух шагах.

- Себастьян, - сказала она, чуть повысив голос, чтобы подруги могли слышать. - Ты уже поужинал или просто зашел сказать, что у меня просрочены лицензии?

- Лицензии в порядке, Ника. Но я бы не отказался от чашки кофе. И разговора. Наедине.

На мгновение повисла тишина. Розита и Кристина переглянулись. Торрес бесшумно протирал бокал, делая вид, что ничего не слышит.

- Идем в кабинет. Там есть кофе, который ты запомнишь надолго.

Она пошла вперед, и Моралес последовал за ней, как тень. За их спинами Розита тихо спросила Кристину.

- Она опять?..

- Не знаю, - ответила та, нервно покручивая бокал. - Но если этот полицейский приехал не на отдых, значит дело серьезное.

Ника и Моралес прошли в кабинет. Он располагался на втором этаже, с окнами, выходящими прямо на море. Стены были увешаны фотографиями отеля, дипломами и парой абстрактных картин, которые Ника купила на какой-то выставке в Барселоне. Большой дубовый стол, кожаное кресло, на столе идеальный порядок. Только сейчас, после разговора у бара, Ника заметила, что ее руки слегка дрожат. Она закрыла дверь и повернулась к Моралесу.

- Давай, друг мой любезный, - сказала она, опускаясь в кресло и жестом указывая гостю на стул напротив. - Колись, по какому поводу пришел. Ты появляешься крайне редко. И всегда с плохими новостями.

Моралес медленно подошел к кофемашине, стоящей в углу и принялся изучать кнопки.

- Да вот, - пробормотал он, не оборачиваясь, - Давно не виделись. Решил поведать старую подругу.

- Да ладно, - изумилась Ника, приподняв бровь. - Что происходит, Себастьян? Что-то случилось? Я опять что-то натворила?

- Да нет, - ответил он слишком быстро. - Нормально все. Работа, работа и одна работа.

Он нажал кнопку, и машина зашумела, наполняя кабинет ароматом свежего эспresso. Моралес взял чашку, сделал глоток, поморщился.

- Горький.

- Кофе должен быть горьким, - усмехнулась Ника.

Она внимательно смотрела на него. Моралес был из тех людей, которые не умеют врать. Он слишком сильно хмурился, когда пытался скрыть правду, и слишком активно пил кофе, когда не знал, с чего начать.

- Ну так вот работа, одна работа. Расследования, задержания, начальство ругается, требует раскрытия.

Моралес наконец повернулся к ней. В глазах его мелькнула искра удивления.

- Ты никогда не приезжаешь просто так. И тем более не пьешь кофе в моем кабинете в девять вечера.

Себастьян поставил чашку на стол, сел напротив нее, тяжело опустившись на стул. Он потер лицо ладонями.

- Ну а как быть, когда бандиты уходят от правосудия?

Ника замерла. Она медленно поднялась из-за стола, подошла к окну и скрестила руки на груди. За стеклом шумело море, темное и бесконечное. Огни отеля отражались в воде, дрожа как призраки.

- Вы задержали бандитов, а те ушли от наказания? Так?

- Ну не совсем так, - Моралес покачал головой. - Задержали, но не всех. Парочке злодеев удалось сбежать.

- Ну бывает. Рано или поздно попадутся. Такие всегда всплывают. Жадность или глупость их погубят.

- Да не, скорее всего они давно залегли на дно. И ушли от преследования грамотно.

Он замолчал. Ника наконец обернулась. Взгляд ее был острым, как лезвие.

- И ты поэтому расстроен? - спросила она.

Моралес поднял на нее глаза. Он смотрел тяжело, с болью, которую пытался спрятать за маской профессионального безразличия.

- Это была очень опасная банда.

Повисла пауза. В кабинете стало тихо, только шум кофемашины, остывающей в углу и далекий плеск волн за окном. Моралес открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но не успел. В дверь постучали. Ника быстро подошла к двери, на пороге стояла горничная Елена, молоденькая, с заплаканными глазами.

- Сеньора Николь, - заикаясь, начала она. - Простите, что отрываю. Там в номере триста двенадцать... кажется, кто-то сломал дверь. И внутри никого нет. Я позвонила в охрану, но Роман ушел...

Ника положила руку ей на плечо, мгновенно переключившись в режим управляющей.

- Тихо, тихо. Я сейчас вернусь, - сказала она, обернувшись к Моралесу. - Посиди здесь. Никуда не уходи.

Она вернулась в кабинет через пятнадцать минут. Выглядела уставшей, волосы выбились из пучка, на блузке появилось небольшое пятно от кофе. Но глаза оставались ясными и собранными. Моралес стоял у окна, глядя в темноту. На звук открывшейся двери он обернулся.

- Ну что там? - поинтересовался он. - Все нормально?

- Да, никто дверь не ломал. Слетела с петель. Старый замок, уже дважды просила ремонтников заменить, но они вечно тянут. Елена перепугалась, ей показалось, что кто-то вломился. Просто ветер хлопнул.

- Бывает.

- Продолжай Себастьян.

Он повернулся к ней. В руке у него уже дымилась сигара, он закурил несмотря на запрет. Ника не стала делать замечание. Она знала, если Моралес курит в помещении, значит, разговор будет очень тяжелым.

- Ну так вот. Банда славилась грабежами, разбоем. Ничего их не останавливало. Небольшие банки, бизнесмены. Так же... похищали девушек и требовали выкуп.

- Постой, - перебила она. - Это совсем разный почерк. Грабить банки и похищать людей — это разные миры. Разная логика, разные навыки. Одно дело взломать сейф, другое организовать похищение. Кто это вообще был?

- А они вообще отморозки, - сказал он глухо. - Даже если выкуп отдавали, девушек в живых уже никто не видел.

На мгновение в кабинете повисла тишина. Ника медленно встала и подошла к окну. За стеклом ночь окончательно опустилась на побережье, и только редкие огни рыбацких лодок мерцали на горизонте.

- Слушай, - сказала она, не оборачиваясь. - Я таких отмороженных еще не встречала. Много кого повидала, но... Откуда ты знаешь подробности, если жертв в живых не оставляли?

Моралес встал со стула и подошел к ней. Остановился в шаге, глядя на ее отражение в стекле.

- Это рассказали те, кого мы схватили, - ответил он тихо. - Не один час в допросной. Они говорили неделями. Сдавали своих, сдавали всех, кто был замешан, только бы получить снисхождение.

- Боже, какой кошмар, - изумилась Ника, повернувшись к нему. - И что, они все рассказали?

- Всё, - кивнул Моралес. - Схемы, адреса, имена, клички. Одну до сих пор найти не можем.

Моралес сделал паузу. Он смотрел на Нику в упор, и в его взгляде читалось что-то, от чего у Ники похолодело внутри.

- Кроме той, которую похитили в прошлом году. Ее звали Ева Санчес. Двадцать два года. Студентка из Мадрида. Приехала на каникулы к тете в Малагу и исчезла.

- И что? думаешь, я ее знала?

Моралес молчал несколько секунд. Потом достал из внутреннего кармана сложенную фотографию и протянул Нике. На фото была девушка. Темные волосы, карие глаза, открытая улыбка. Она стояла у бассейна в белом халате с логотипом отеля «Лагуна».

- Это... - начала она.

- Она работала у тебя, - закончил Моралес. - Горничная. Всего два месяца. Ты помнишь ее?

Ника смотрела на фотографию. В памяти всплыло лицо, немного застенчивое, с веснушками на носу. Девушка всегда здоровалась первой, всегда улыбалась. И уволилась внезапно, сказав, что нашла лучшую работу в городе.

- Да Помню. Она была тихой. Хорошей девочкой. Сказала, что уезжает к матери.

- Она не уехала к матери, Ника. Ее похитили через две недели после того, как ты подписала ее заявление об уходе.

Ника опустила на стул. Ноги стали ватными.

- Ты хочешь сказать, что ее похитили прямо здесь? В «Лагуне»?

- Недалеко от отеля. И это не единственное совпадение. Еще три девушки, которые работали в отелях на этом побережье, исчезли за последние два года. Все горничные, все молодые, темноволосые. И никто из них не вернулся.

- Зачем ты мне это рассказываешь?

Моралес вздохнул, подошел к столу и оперся о край.

- Потому что мы знаем, кто это сделал. Энрике Роджерс. Главарь банды. И его правая рука человек по кличке Торро. И мы знаем, что они не остановились. Они просто затаились. Ждут. И когда они начнут снова. Мы подошли к самому главному, - сказал Моралес, садясь напротив нее. Он затушил сигару о пепельницу, подался вперед. - В тюрьме сидит Лаура Гомес. Любовница Энрике Роджерса.

- Что... девушка тоже в этом участвовала?

- Да, - кивнул Моралес. - И более того, она и придумывала все это. Схемы, логистику, отмывание денег. Она мозг. Без нее Роджерс просто мясник. Они снимали все свои похождения на камеру. Но она сидит. И знает, где он прячется.

Ника встала, отошла к окну. Она чувствовала, как воздух в кабинете становится плотным, вязким.

- Ника, - сказал Моралес за спиной. - Я хочу тебя попросить...

- О чем?

- Чтобы ты проникла в тюрьму. Сдружилась с Лаурой. И организовала побег.

Глаза Ники расширились.

- Чего ты хочешь?! - выкрикнула она, отступая на шаг. - Себастьян, ты в своем уме?!

- Я знаю, что прошу многого. Но только ты можешь это сделать. Только у тебя есть опыт. Только тебя уважают в криминальном мире. Ника, мы не успеем их поймать по-другому. Они уйдут.

Ника стояла у окна, скрестив руки на груди. Ветер с моря колыхал легкие шторы, и она смотрела, как огни отеля отражаются в черной воде. Ее лицо было спокойным, но внутри все кипело. Моралес прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Голос его звучал ровно, будто он обсуждал погоду, а не организацию тюремного побега.

- Смотри, - сказал он, останавливаясь у книжного шкафа. - Допустим, ты организуешь ей побег. Как думаешь, куда она направится?

- К родителям, - предположила она. - В любой сложной ситуации люди ищут защиты у семьи.

- Опасно, - покачал головой Моралес. - Это и дураку понятно. Родителей Лауры мы уже взяли под наблюдение. Она не настолько глупа, чтобы засветиться там. Долго скрываться одной, ресурсов не хватит. Деньги кончатся, документы фальшивые не вечны. Она будет искать Энрике, Или он сам ее найдет, он не из тех, кто бросает своих. Лаура знает слишком много. Он придет за ней. Или она выйдет на него. Это лишь вопрос времени.

Ника задумалась. Она прошла к столу, села, положила руки на столешницу.

- Ну допустим, ты прав. Лаура окажется на воле, будет искать связи с Энрике. Но вопрос в другом, какова моя в этом роль? И как я вообще окажусь в тюрьме?

Моралес помолчал. Он подошел к столу, оперся ладонями о край, навис над Никой.

- Для начала тебя арестуют. Не бойся, дело будет сфабриковано. Но при полной достоверности. Придется провести задержание по полной - от ареста до суда.

Ника рассмеялась. Смех был резкий, даже истеричный.

- Слушай Себастьян. Во-первых, это прокол. Ты же коп и знаешь, что дело может длиться месяцами. Что ты мне предлагаешь? Париться в камере, пока окончательно не посадят?

- Ну, подруга, дело уже на тебя сфабриковано.

- В смысле уже? - переспросила она, прищурившись.

- В прямом, - ответил Моралес. - Два месяца назад я запустил процесс. Бумаги лежат в сейфе. Все чисто, подписи есть, свидетели дают показания.

Ника медленно поднялась из-за стола. Глаза ее горели.

- Ни фиги себе, Моралес, ты шустрый. Обо всем подумал уже. И за что же ты меня решил арестовать? За что я, по-твоему, должна сидеть?

Моралес почесал затылок, опустил взгляд, будто ему было неудобно.

- Ну... допустим, нашлись свидетели твоего убийства Идальго-младшего. Помнишь же такого?

- Идальго-младшего? Конечно помню. Какие еще свидетели? Там никого не было!

- Были, - спокойно ответил Моралес. - Я ж говорю сфабриковано.

Ника открыла рот, закрыла, потом расхохоталась.

- Ты подставил меня, чтобы использовать это?!

- Я предусмотрительный, - улыбнулся Моралес.

- А что еще? - спросила Ника, скрестив руки. - Кроме убийства?

- Нападение на банк в Альмерии, - продолжил Моралес. - Ты была там. В маске. Кассир опознал твои глаза.

- Глаза?! Это вообще бред!

- В деле есть видео, - невозмутимо ответил Моралес. - Плохое качество, но похоже. И отпечатки пальцев.

- Моих пальцев там не могло быть!

- Я знаю. Но отпечатки есть. Твои. Из базы данных, которую я вел для таких случаев.

Ника почесала затылок. Она подошла к кофемашине, налила себе остатки остывшего кофе, выпила залпом.

- Хитрый ты конечно. Я еще ответа не дала, а ты уже все решил. И что, в тюрьму меня посадят надолго?

- Да нет. Я думаю не долго, тебе нужно организовать побег. Лаура должна доверится тебе.

- А если не клюнет? - повернулась к нему Ника. - Если она окажется умнее?

- Клюнет.

Ника молчала. Она смотрела на фотографию Евы на столе, на улыбку девушки, у которой больше нет лица. На горизонте за окном уже почти стемнело.

- Ты впутываешь меня в это дерьмо. И не спрашиваешь, хочу ли я.

- Это единственный способ, Ника, Ты знаешь этих людей. Ты знаешь, как они мыслят. Ты лучшее, что у нас есть.

Ника закрыла глаза на мгновение. Ей хотелось крикнуть, швырнуть в него чашкой, выгнать вон. Но она слышала голос Евы, что приносила ей кофе каждое утро, рассказывала о своей собаке, мечтала стать стилистом.

- И как меня арестуют? Мне сейчас с тобой ехать что ли? Прямо из кабинета, в наручниках, мимо Кристины и Розиты?

- Нет. Тебя арестует спецназ.

- Что? Прямо здесь? В отеле?

Моралес замахал руками, как будто отгонял эту мысль.

- Ну конечно же нет! - воскликнул он. - Это ни к чему. Ты представляешь? «Хозяйка отеля "Лагуна" опасный рецидивист». Пересуды, газеты, туристы разбегутся. Нет, это будет не здесь.

Ника облегченно выдохнула, но любопытство не утихало.

- А где?

- Ты выйдешь в город. Просто прогуляешься до площади. И там, на глазах у изумленных прохожих, спецназ возьмет тебя. Красиво, эффектно.

- А что, если я случайно, по привычке кого-нибудь из твоих «спецназовцев» вырублю? Я, знаешь ли, помню немного приемчиков.

- Спецназ будет липовый. Мои люди. Переодетые. Всех предупрежу, чтобы держались подальше от твоих рук. Ты не ударишь, они не накосячат.

- Липовый спецназ, - повторила Ника с усмешкой. - Это звучит как название плохого фильма.

- Зато реалистично, - пожал плечами Моралес. - Скандал, шум, соседи в шоке. Никто не усомнится.

Ника задумалась. Она подошла к столу, села на край, скрестила руки.

- Ну хорошо, - сказала она медленно. - Допустим, меня посадили. Допустим, я оказалась в одной камере с Лаурой. Допустим, мы даже заговорили. Мне нужно будет сдружиться с ней?

- Не совсем. Она может не пойти на контакт. Лаура волк-одиночка. Она никому не доверяет. Но ты мастер экспромта. Ты знаешь, как втереться в доверие. Просто будь собой.

- Ладно, - сказала она, вставая и начиная ходить по кабинету. - Допустим, мы познакомились. Допустим, сдружились. Побег. Как организовать побег? Ты поможешь?

- Нет. Дальше твоя импровизация. Там я буду бессилен. Как ты выведешь Лауру за ворота — это твоя задача. Но в любом случае поддержака будем. Я пришлю тебе своего агента.

- То есть, ты хочешь сказать, - начала она с нарастающим возмущением, - Что я рискую жизнью, сижу в тюрьме, втираюсь в доверие к убийце, организую побег без твоей помощи и все это ради того, чтобы выйти на ее дружка?

- И спасти жизни, - тихо добавил Моралес.

- Мда уж, - пробормотала она в ладони. - Хорошая перспектива.

Моралес подошел к ней, положил руку на плечо.

- Ника. Я знаю, что прошу слишком много. Но у меня нет выбора. У нас нет выбора.

Ника выдохнула, встала и подошла к окну. Море уже слилось с небом, только белая полоса пены у берега выделялась в темноте.

- Когда? - спросила она не оборачиваясь.

- Через два дня. Выходи на площадь. Просто прогуляйся. Купи цветы. И все.

- Цветы, - усмехнулась Ника. - Значит, я под арестом буду с цветами.

- Это будет красиво.

- Ладно. Убирайся. Мне нужно подумать. И предупредить Кристину, что я уезжаю в командировку на месяц.

- Придумай что-нибудь убедительное,

Он вышел. Ника осталась одна в кабинете. Она смотрела на закрывшуюся дверь. Потом она села за стол, открыла ноутбук и начала искать в интернете информацию о Лауре Гомес. Хорошая перспектива. Просто замечательная.

Глава вторая

После ухода Моралеса Ника еще несколько минут стояла у окна, глядя на темное море. В голове шумело. План казался безумным, абсурдным, невозможным. Но где-то глубоко внутри, там, где еще жила та самая Ника, которая когда-то работала в поле, чувствовала знакомый холодок предвкушения. Она вышла к бассейну. Ночной воздух был теплым и влажным. Подсветка бассейна переливалась бирюзовым светом, несколько туристов еще сидели в шезлонгах с коктейлями, тихо переговариваясь. Но у барной стойки все еще сидели Розита и Кристина. Кристина первой заметила подругу, отставила бокал с минералкой и подалась вперед.

- Ника, рассказывай. Что-то он сегодня долго с тобой разговаривал.

Розита молча пододвинула Нике свежий коктейль. Ника села на высокий стул, взяла бокал и залпом осушила его почти до дна. Соль обожгла губы, текила разлилась теплом по горлу.

- Девчонки. Вы не поверите. Меня арестуют. И я буду сидеть в тюрьме.

Розита поперхнулась вином.

- Что за шутка? - удивилась она, вытирая губы. - Ника, прекрати.

- Нет, - покачала головой Ника. - Это не шутка. Моралес попросил меня помочь. Одна банда похищает девушек, убивает их. Они ушли от правосудия, но его подруга сидит в тюрьме. Мне нужно проникнуть туда, подружиться с ней, организовать побег и выйти на главаря.

Повисла тишина. Только плеск воды в бассейне и далекая музыка из ресторана. Кристина и Розита переглянулись. Их лица медленно менялись от недоумения к ужасу.

- Ты серьезно согласилась на это? - спросила Розита,

- Согласилась, - кивнула Ника, не поднимая глаз.

Кристина развела руками и в этом жесте было столько отчаяния, сколько она обычно прятала за улыбкой.

- Знаешь, почему то не удивлена? Только ты, Ника, так можешь. Только ты способна ввязаться в это дерьмо, когда у тебя есть отель, стабильность, жизнь, наконец!

Ника подняла глаза на подруг. Она смотрела на и чувствовала, как что-то сжимается в груди.

- Я сама в шоке, - сказала она тихо. - Поверьте, у меня не было выбора.

- Как это не было выбора? Ты всегда можешь отказаться!

- Не могу, - покачала головой Ника. - Моралес закрывал на многое глаза все эти годы. Помогал мне с документами, с разрешениями на отель, с лицензиями. Он всегда прикрывал меня, когда я нарушала правила. И теперь пришло время платить.

- Это безумие. Ты хоть понимаешь, что ты не просто так ввязываешься? Это не отель, не конфликт с туристом. Это тюрьма. Настоящая тюрьма с настоящими убийцами.

- Я знаю, - ответила Ника.

Розита отодвинула свой бокал и уставилась на Нику в упор.

- И когда тебя арестуют? - спросила она жестко.

- Через два дня. В городе, на площади. Спецназ. Все будет выглядеть реалистично.

- Господи, - выдохнула Розита и перекрестилась. - Ника, это же опасно!

- Опасно, - согласилась Ника. - Но Моралес прав. Если мы не поймаем Архитектора, будут новые жертвы. Ева... вы помните Еву? Она работала у нас горничной.

- Еву убили?

- Да.

- Я не хочу, чтобы ты шла, - сказала Кристина - Я хочу позвонить этому полицейскому и послать его куда подальше.

- Не надо, - остановила ее Ника. - Я уже приняла решение. И я сделаю это. Ну ведь действительно, он закрывал на многое глаза

Розита вдруг схватила ее за плечи, развернула к себе.

- Послушай меня, - сказала она с такой силой, что Ника вздрогнула. - Ты выживешь. Ты поняла? Ты выберешься оттуда. Ты обещаешь мне? Нас там рядом то не будет.

- Все будет хорошо. Бывало и хуже.

Кристина подошла с другой стороны и обняла обеих. Они стояли так втроем у ночного бассейна, под звездами, как сто лет назад, когда были моложе и глупее.

- Значит, так. Последние два дня у тебя свободны. И мы проведем их так, чтобы ты запомнила. У нас есть вино, есть море и есть друзья. Идиотка ты, Ника.

Ника улыбнулась. Тепло разлилось в груди, и она почувствовала, как страх уходит, уступая место спокойной решимости.

- Тогда наливай, - сказала она. - У нас еще два дня свободы.

Торрес, который все это время молча стоял за стойкой, уже протягивал им три бокала. Он ничего не слышал, но все понял. Он налил им вина, самого лучшего, из тех запасов, что хранил для особых случаев.

- За Нику, - сказал он тихо. - За самую упрямую женщину на этом побережье.

- За Нику, - эхом отозвались Розита и Кристина.

Бокалы звонко встретились в ночи. Ника отпила вино, подняла голову к звездам, потом отпила еще глоток вина, поставила бокал и повернулась к Кристине. Лицо ее стало деловым, сосредоточенным, она переключалась в режим управляющей.

- Значит, слушай, Крис, - начала она, загибая пальцы. - Ты моя подруга детства, мы знаем друг друга вечность. За время моего отсутствия отелем будешь управлять ты. Ты это умеешь, я знаю. У тебя есть опыт, ты знаешь всех сотрудников, ты знаешь, как разруливать конфликты. Значит, смотри. Новые поставщики как раз объявятся через два дня. Я уже договорилась с ними, все контакты в моем ноутбуке. Пароль ты знаешь. И еще Луису скажи, что я разрешила ему взять помощников. Если он начнет бунтовать, скажи, что это мой личный приказ. И еще...

Кристина вдруг положила руку на плечо Ники, сжала его крепко, до боли.

- Стоп, подруга. Ты это перестань.

- Что?

- Ты так говоришь, как будто прощаешься с нами, - Кристина смотрела ей прямо в глаза, и в ее взгляде была тревога. - Как будто уезжаешь навсегда.

- Да нет, что ты! Я всего лишь даю указания. Профессиональная привычка. Ты же знаешь, я люблю все контролировать.

Розита фыркнула, но в глазах ее тоже плескалось беспокойство.

- Контролировать — это твоё второе имя. Но сейчас, Ника помолчи.

- Что?

- Я сказала заткнись, - повторила Розита, но голос ее был мягким, почти ласковым. - Ты говоришь о поставщиках, о помощниках, о Луисе. А надо говорить о том, что ты через два дня пойдешь в тюрьму, где тебя будут окружать убийцы. Поэтому о работе мы поговорим завтра утром, на трезвую голову. А сейчас...

Розита повернулась к бару и щелкнула пальцами:

- Торрес, еще два бокала. И бутылку того самого, из подвала. Того, что Ника бережет для особых случаев.

Торрес ухмыльнулся, кивнул и исчез в подсобке. Ника попыталась возразить.

- Роза, подожди, мне нужно еще кое-что сказать...

- Замолчи, - перебила Розита. - Ты сказала достаточно. Ты сказала, что любишь нас и что мы справимся. Теперь давай отдыхать. Это не командировка, это не работа, это твой последний вечер свободы и мы проведем его как положено.

Ника открыла рот, чтобы ответить, но Кристина уже пододвинула к ней тарелку с оливками и сыром.

- Ешь, - приказала она. - И не спорь. Ты должна быть в форме. И вообще, я не знаю, какая у них там еда в тюрьме, но точно не такая, как у нас.

- Вы обе монстры. Я пытаюсь быть серьезной, а вы меня спаиваете.

- Именно, - кивнула Розита, поднимая свежий бокал. - Потому что завтра ты будешь серьезной. И послезавтра. И еще месяц. А сегодня ты просто Ника, наша подруга, которая скоро войдет в историю как самая безумная женщина Испании.

Торрес принес бутылку - темное стекло, пожелтевшая этикетка, запах многолетней выдержки. Он открыл ее с церемониальной торжественностью, разлил по бокалам. Они выпили. Вино было густым, терпким, с привкусом дыма и солнца. Ника почувствовала, как тепло разливается по телу, отпуская напряжение.

- А теперь, расскажи нам, как ты собираешься втираться в доверие к этой Лауре. Может, мы поможем советом.

- Вы серьезно? Вы хотите обсуждать план побега?

- А ты думала, мы будем просто сидеть и пить вино? - фыркнула Кристина. - Нет уж. Если мы не можем быть с тобой там, мы хотя бы поможем тебе морально.

- Ладно. Слушайте. Первое - я должна стать для Лауры кем-то, кому она сможет доверять. Второе я должна убедить ее, что побег — это единственный выход. И третье я должна сделать так, чтобы она повела меня к Архитектору. И не убила по пути.

- Просто, как дважды два, - усмехнулась Розита..

Через час они разошлись. Розита ушла на кухню проверять утренние заготовки, Кристина отправилась к дочери. Ника поднялась в свой номер. Он располагался на третьем этаже, с отдельным выходом на террасу, откуда открывался вид на весь отель и бесконечное море. Здесь пахло лавандой и деревом и здесь было тихо. Она вошла, скинула туфли у порога и остановилась. Игорь сидел за столом. На нем была простая белая футболка, очки, чуть съехавшие на нос, и на столе ноутбук. Он что-то печатал, быстро и сосредоточенно, нахмутив брови.

Экран светился зелеными строками кода, Игорь работал над обновлением системы безопасности отеля. Увидев Нику, он снял очки, отложил ноутбук, подошел к ней и поцеловал в губы, с той теплотой, которая была у них всегда.

- Ну что? - спросил он, поглаживая ее плечо. - Как день? Как всегда в темпе? Я слышал от Романа, что был скандал у ресепшена.

- Как обычно. Пьяные американцы, слетевшие двери, готовящийся уволиться Луис...

- Рутинка, как всегда.

Ника прошла в комнату и села на кровать. Она чувствовала, как усталость и напряжение, которые она держала в себе при подругах, начали выходить наружу. Игорь сразу заметил что-то неладное. Он подошел, сел рядом, взял ее за руку.

- Эй, - сказал он мягко. - Что-то случилось?

- Игорь, сядь. Поговорить надо.

Он насторожился, но сел напротив, на стул и приготовился слушать.

- Короче, ситуация такая. Сегодня приходил Моралес. Он попросил о помощи. Там банда, которая похищает и убивает девушек. Еву убили. Нашу Еву, горничную.

- Что? Еву? - переспросил он.

- Да, - кивнула Ника. - И еще будут новые жертвы, если не поймать главаря. Он и его правая рука в бегах. Но его подружка сидит в тюрьме. Лаура Гомес. Мне нужно проникнуть туда, подружиться с ней, организовать побег и выйти на Архитектора.

Игорь внимательно слушал. Когда Ника закончила, он молчал несколько секунд. Потом встал, прошелся по комнате, остановился у окна, глядя на ночное море.

- Ну что ж, - сказал он наконец, оборачиваясь к ней. - Я не удивлен.

- В смысле?

- Я когда женился на тебе, Ника, я был готов ко всему, - сказал он серьезно. - Ты женщина, у которой прошлое гуляет по тени. Я знал, что рано или поздно что-то подобное случится снова. И не думай, что я против. Я понимаю. Ты не можешь сидеть сложа руки, когда кто-то убивает девушек. Особенно тех, кто был рядом с тобой. Ева... я помню ее. Она всегда улыбалась.

- Да. Всегда.

Игорь помолчал, потом выпрямился и в его глазах мелькнула та самая жесткая решимость, которая появлялась у него в моменты, когда нужно было действовать.

- Значит, говоришь, побег? - переспросил он. - Ну что ж... организуем.

Ника удивленно подняла бровь.

- В смысле организуем?

- Я влезу в систему тюрьмы, - сказал он, садясь за ноутбук. - Я вычислю как работают камеры, где слабые места. Я попытаюсь найти уязвимости. Может, даже смогу подстроить отключение сигнализации в нужный момент.

- Ты ж мой компьютерный гений, - сказала она с нежностью.

- А ты думала, я просто так сижу за ноутбуком? - усмехнулся он.

Он потянулся к ящику стола, достал маленький предмет, размером с ноготь, и протянул ей. Это был наушник микроскопический, почти невидимый.

- Это для связи. В него встроен передатчик, работает на частоте, которую не ловят тюремные сканеры.

Ника взяла наушник, покрутила в пальцах, рассматривая.

- Меня же досконально проверять будут, - сказала она с сомнением. - Личный досмотр, обыск...

- Не бойся, - сказал он уверенно. - Они его не найдут. Он миниатюрный. Я встрою его в твою серьгу. Маленький камушек и там приемник. Проверяют только металл, а это пластик и керамика.

- Ты гений,

- Знаю, - ответил Игорь с ухмылкой. - Только, пожалуйста, не потеряй серьгу. Она дорогая. И не только в прямом смысле.

Он подошел к ней, взял за талию, притянул к себе. Она обняла его, уткнулась лицом в его плечо. Они стояли в тишине, обнявшись, под шум волн за окном.

Глава третья

Спустя два дня Ника приехала на парковку у торгового центра. Она заглушила двигатель и несколько секунд сидела неподвижно, глядя на белое здание перед собой. Обычный торговый центр, обычные люди, обычный день. Никто из прохожих не знал, что через несколько минут здесь разыграется спектакль, который изменит жизнь одной женщины. Ника повернулась к Розите, которая сидела рядом и теребила ремень безопасности.

- Машину потом обратно отгони, - улыбнулась Ника, стараясь говорить легко, будто они просто договорились о встрече.

- Отгону, конечно, - ответила Розита. - Ты давай там чтоб все хорошо прошло.

Ника усмехнулась, поправила серьгу, в которую Игорь вмонтировал микроскопический наушник, и похлопала подругу по плечу.

- А у меня плохо и не бывает.

Солнце припекало, асфальт пах жаром и бензином. Ника поправила сумку на плече, поправила волосы и медленно направилась в сторону входа в торговый центр. Она шла спокойно, размеренно, как будто просто собиралась купить продукты или новое платье. Она заметила микроавтобус в тот момент, когда уже была на середине парковки. Темный, без опознавательных знаков, с тонированными стеклами. Он выехал из-за угла и остановился в двадцати метрах от нее. Воздух вокруг словно сгустился. Время замедлилось. Боковым зрением Ника заметила, как задняя дверь микроавтобуса распахнулась и оттуда высыпали вооруженные люди в камуфляже. Маски, автоматы, крики, которые пока еще не начались, но уже витали в воздухе. Они молча окружили ее. Быстро, слаженно, профессионально. Двое подбежали к Нике с разных сторон.

Первый потянулся к ней, чтобы схватить за руку. Ника среагировала мгновенно, она крутанулась, ударила его ногой в грудь, отправив в полет. Он с грохотом упал на асфальт, выронив автомат. Второй попытался зайти сзади, она перехватила его руку, ударила ребром ладони по шее, и он осел, хватая ртом воздух. Ника успешно отбила еще пару атак нападавших, инстинкты, которые она считала давно умершими, проснулись и работали как часы. Но двое налетели сзади, схватили за руки, скрутили. Она дернулась, но удержали крепко. Ее прижали к горячему асфальту, заломили руки за спину, защелкнули наручники. Металл больно впился в запястья.

- Сеньора Николь Мартинез! - объявил командир, склоняясь над ней. - Вы арестованы по подозрению в убийстве Эстебана Идальго-младшего и нападении на банк в Альмерии. Вы имеете право хранить молчание...

Ника лежала щекой на асфальте и улыбалась. Не от радости, от абсурда ситуации. Ее подняли, поволокли к микроавтобусу. Ноги сами двигались, но мысли крутились вокруг одного: «Как же это идиотски выглядит». Она бросила взгляд в сторону своей машины. Розита сидела за рулем, широко раскрыв глаза и снимала все на телефон. В глазах был восторг и ужас одновременно. Двери захлопнулись. Двигатель заревел. Розита опустила телефон, завела двигатель своей машины и пробормотала, глядя вслед удаляющемуся микроавтобусу:

- Ну прямо экшен какой-то... Круче, чем в кино.

Микроавтобус выехал на трассу. Ника сидела между двумя бойцами в масках, чувствуя, как холод металла от наручников передается на запястья, и смотрела на дорогу. Она откинулась на сиденье и закрыла глаза. Микроавтобус трясся по разбитой дороге около получаса. Ника сидела между двумя бойцами, чувствуя, как наручники впиваются в запястья. Когда микроав-

тобус наконец остановился, дверь распахнулась, и ее вытащили наружу. Полицейский участок в пригороде Альмерии выглядел так, как и должен был выглядеть - серое двухэтажное здание с облупившейся штукатуркой, решетками на окнах и запахом сырости. Ника огляделась, типичный провинциальный участок, где бюрократия и тоска живут в каждом углу.

В участке Нику не просто посадили в наручники. Когда ее завели в кабинет для оформления, к ней подошел здоровенный полицейский с лицом быка и протянул ей странный пояс - широкий, кожаный, с железными кольцами. Ника подняла бровь, но спорить не стала. Пояс затянули на талии, и к нему пристегнули толстую цепь, которая шла к ногам, сковывая движения. Идти стало трудно, каждый шаг отдавался звоном металла. Подобная мера применяется к особо опасным задержанным. А так же за оказание сопротивления при аресте. Ее отвели в допросную. Комната была маленькой, без окон, с одним столом, двумя стульями и тусклой лампой под потолком. Полицейский с бычьим лицом сел напротив нее, открыл папку с документами и начал зачитывать:

- Сеньора Николь Мартинез, вы обвиняетесь в убийстве Идальго-младшего. А также в ограблении банка в Альмерии. К этому добавляется оказание сопротивления при аресте. У вас есть, что сказать в свою защиту?

Ника откинулась на спинку стула, насколько это позволял пояс с цепью. Полицейский улыбнулся недобро, с металлическим блеском в глазах. Допрос длился около двух часов. Ника отвечала на вопросы уклончиво, настаивала на своей невиновности, но знала это только формальность. Моралес обещал, что все подстроено, но ощущение реальности происходящего начало давить на плечи тяжелым грузом. Когда ее вывели из кабинета, в коридоре было тихо. Ее провели по длинному коридору, мимо закрытых дверей, к металлической двери в конце. Ника переступила порог камеры и в нос ударил запах. Тяжелый, спертый, смесь пота, грязного белья, сырости и чего-то кислого. Запах, который въедается в кожу и остается с тобой навсегда. Камера была небольшой: двухъярусные койки, маленькое окно под самым потолком с решеткой, один стол, прикрученный к полу. Ника остановилась у входа, оглядывая новое жилье. Женщины подняли на нее глаза - кто равнодушно, кто с любопытством, кто с откровенным вызовом.

- Всем привет.

Тишина. Никто не ответил. Никто не улыбнулся. Ника вздохнула и пошла к свободной койке. Она опустилась на жесткий матрас, который пах еще хуже, чем камера и закрыла глаза. Соседки молчали. Видимо, здесь не принято было знакомиться сразу. Ника посмотрела на женщин, которые сидели по углам камеры. Они не смотрели на нее, но Ника чувствовала их внимание. Она знала в этом мире нужно ждать, пока кто-то первый заговорит. Кто-то сделает шаг. И она будет ждать. Ника закрыла глаза и провалилась в сон.

Два дня в камере прошли как в тумане. Ника почти не спала. Жесткий матрас, запах, который въелся в кожу и постоянное ощущение, что за тобой наблюдают, все это мешало расслабиться. Она лежала на койке, смотрела в потолок и слушала, как шепчутся соседки. Женщины в камере сбились в небольшие группы и секретничали, бросая на Нику короткие взгляды. Они не подходили, не задавали вопросов, но Ника чувствовала их любопытство. Вероятно, до них дошли слухи о ее «послужном списке». В этом мире такая репутация работала лучше любой рекомендации. На второй день одна из женщин подошла к Нике, когда та сидела на койке и разминала затекшие руки.

- Слышала, ты отделала троих копов при аресте, - сказала она, присаживаясь на корточки рядом. - Это правда?

Ника подняла на нее спокойный взгляд.

- Они меня не предупредили. В следующий раз будут осторожнее.

Женщина усмехнулась, обнажив желтые зубы.

- Молодец. Тут таких уважают. Я Кармен. Если что надо обращайся.

- Ника.

- Мы знаем, - сказала Кармен и вернулась к своей группе.

Больше к ней не подходили. Ника сидела в углу и ждала. Она знала, что ее переведут. Моралес обещал, что ее направят в тюрьму, где отбывает срок Лаура. Оставалось только ждать. На третий день ее вызвали на заседание суда. Процесс длился недолго. Судья, пожилой мужчина с усталыми глазами, зачитал приговор.

- Сеньора Николь Мартинез, признанная виновной в убийстве и ограблении, приговаривается к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Приговор вступает в силу немедленно.

Ника стояла в клетке, сложив руки за спиной и смотрела на судью с легкой усмешкой. Она даже не пыталась изображать раскаяние. Зачем? Все знали, что это спектакль.

- Желаю вам пересмотреть свои взгляды на жизнь, - сказал судья, закрывая папку.

- Обязательно, - ответила Ника. - Как только освобожусь.

Ее вывели из зала суда и посадили в автозак. Дорога заняла около трех часов. Ника сидела в темном фургоне, смотрела на мелькающие пейзажи через маленькое зарешеченное окно и пыталась успокоить сердце. Скоро она встретится с Лаурой. Скоро начнется самое сложное. На въезде в тюрьму ее встретили высокие стены с колючей проволокой, вышки с охранниками и тяжелые ворота, которые с лязгом открывались, пропуская автозак внутрь. Тюрьма называлась «Эсмадура» и это название было известно каждому, кто хоть раз сталкивался с испанской системой правосудия. Нику провели через несколько коридоров, сняли с нее пояс и цепь, провели стандартный досмотр. Женщина-охранник с холодными глазами проверила ее вещи, обыскала, забрала личные предметы кроме серьги. Игорь был прав миниатюрный наушник не нашли.

- Вы назначены в карантинный блок, - сказала охранница, заполняя бумаги. - Это стандартная процедура для новых заключенных. Две недели в одиночке, чтобы вы привыкли к режиму. Затем вас переведут в общую камеру.

- В одиночку? - переспросила Ника, стараясь скрыть разочарование. - А можно сразу в общую?

- Обычно все просят одиночку. Но если вы хотите в общую, я могу передать запрос. Однако две недели карантина обязательное условие.

Ее отвели в камеру карантинного блока. Одиночка была крошечной - койка, стул, стол, прикрученный к стене и маленькое окно под потолком с решеткой. Стены были серыми, покрытыми царапинами и надписями, оставленными предыдущими заключенными. Запах здесь был не таким тяжелым, как в общей камере, но давило отсутствие людей. Ника опустила на койку и закрыла глаза. Она лежала на жесткой койке, глядя в потолок и думала о том, что две недели в одиночестве — это не срок. Она выдерживала и не такое. Но где-то внутри тревога шевелилась: успеет ли она? Хватит ли времени? За окном садилось солнце и в камере стало темно.

На третий день карантина Ника уже начала привыкать к монотонности. Она считала трещины на потолке, разбирала по слогам надписи на стенах, оставленные предыдущими обитателями, и пыталась не сойти с ума от тишины. Игорь выходил на связь два раза в день короткими сеансами, чтобы не рисковать. Он сообщил, что система тюрьмы сложная, но он нашел брешь в расписании смен охраны. Ника лежала на койке, когда за дверью слышались тяжелые шаги. Лязгнул замок, дверь открылась, и на пороге появилась женщина-конвоир коренастая, с короткой стрижкой и лицом, которое не выражало никаких эмоций.

- Вставай. К тебе пришли.

Ника медленно поднялась, чувствуя, как сердце забилося быстрее. «Моралес? - подумала она. - Неужели он пробил встречу так рано?» Но когда ее провели по коридору и втокнули в небольшую комнату для свиданий, она поняла, что ошиблась. За столом стояла незнакомая женщина. Средних лет, с сединой в темных волосах, в строгом черном костюме. Она смотрела

на Нику спокойно, даже приветливо, но в глазах ее чувствовалась стальная твердость. Дверь за Никой закрылась. Они остались вдвоем.

- Николь, - сказала женщина и голос ее был низким, бархатистым. - Я понимаю, что вы удивлены визиту незнакомой женщины.

Ника помедлила, но села на стул, сложив руки на коленях.

- Я удивлена тем, как вы добились свидания с человеком, который сидит в одиночке. Чем обязана? Что вам от меня надо?

- Почему вы решили, что мне от вас что-то надо?

- Ну, я вас первый раз вижу. Тюрьма, одиночка, незнакомая женщина... Поэтому и интересуюсь.

Женщина сделала шаг вперед, положила руки на стол и внимательно посмотрела на Нику.

- Меня зовут Мария Гомес, - сказала она. - Я мама Лауры Гомес.

Ника не изменила лица, хотя внутри все сжалось. Лаура Гомес. Та самая Лаура, к которой она должна была подобраться. И вот ее мать стоит перед ней.

- Понимаете, Николь, - продолжила Мария, - Моя дочь девочка хорошая. Но сложным характером. Попала в дурную компанию, связалась с этими людьми... Она не такая, как о ней говорят.

- Зачем вы мне это рассказываете?

Мария сделала еще шаг, почти приблизившись к ней.

- Ника, я знаю, кто вы такая. Я навела справки. Вы русская, в миру Николь Катасонова, были замужем и сейчас вы Николь Мартинез. О вас ходят легенды в криминальном мире. Уже знают, что с вами лучше не связываться. А те, кто связываются глупцы.

Ника почувствовала, как холод пробежал по спине. Эта женщина знала слишком много.

- Ближе к теме, пожалуйста, - сказала она ледяным тоном. - Зачем вы здесь?

Мария Гомес вздохнула и в этом вздохе было столько материнской боли, что Ника на мгновение почувствовала сочувствие.

- Я хотела бы попросить вас взять под опеку мою дочь. Ее там могут обижать.

- Тюрьма большая, я не могу знать, буду ли я рядом с ней.

- В любом случае, вы будете ближе, чем я.

- Я здесь новенькая. Сама не знаю, как тут все устроено.

- Вы не новенькая, Ника. Вы человек, который знает, как выживать. Моя дочь нуждается в защите. Я слышала, что вас переводят в общий блок через неделю. Там много женщин, которые не любят Лауру. Она слишком выделяется. И если вы будете рядом... она будет в безопасности.

Ника задумалась. В голове пронеслась мысль: «Это же идеальный шанс! Мать Лауры сама предлагает мне приблизиться к ней. Но зачем? Искренняя забота или ловушка?»

- Я могу попытаться, - осторожно сказала Ника. - Но я не могу ничего обещать. Я здесь не для того, чтобы присматривать за чужими детьми.

- Я знаю, что вы не откажетесь. У вас доброе сердце. Я вижу это.

- Вы ошибаетесь, - ответила Ника. - У меня нет сердца. Есть только инстинкт выживания.

Мария Гомес достала из кармана маленькую фотографию и протянула Нике.

- Возьмите, - сказала она. - Это Лаура. Когда увидите ее, передайте привет от мамы. Она поймет.

Ника взяла фотографию. На ней была молодая женщина с темными волосами и дерзким взглядом. Она улыбалась неискренне, с вызовом.

- Хорошо, - сказала Ника, пряча фото в карман тюремной рубы. - Я передам.

Мария кивнула и направилась к двери. Дверь закрылась. Ника осталась одна, сжимая в кармане фотографию Лауры. Как только женщина ушла, Нику снова отвели в одиночку. Шаги конвоира гулко отдавались в пустом коридоре. Дверь захлопнулась, ключ повернулся в замке

и Ника снова осталась одна. Она опустилась на койку и несколько минут просто сидела неподвижно, переваривая разговор с Марией Гомес.

- Интересно, - прошептала она, глядя в стену. - Мать Лауры ищет защиту для дочери у незнакомки. Или это проверка? Моралес, там был уверен, что никто не знает о моем задании?

В наушнике тихо зашуршало, потом раздался голос Игоря:

- Я проверил Марию Гомес. Она не связана с Архитектором. Обычная женщина, работает бухгалтером в небольшой фирме. Действительно приезжала к дочери несколько раз. Похоже, она искренна.

- Это обнадеживает, - ответила Ника. - Но осторожность не помешает.

- Согласен. Я буду следить за ее контактами.

Ника откинулась на спину и уставилась в потолок. Время в одиночке тянулось медленно. Каждая минута казалась часом, каждый час - днем. Она считала шаги охранников в коридоре, прислушивалась к голосам за стеной, пыталась угадать, сколько еще осталось до конца карантина. Через час принесли обед. Поднос просунули через маленькое окошко в двери. Ника взяла его, поставила на стол. Еда была спартанской: тарелка с жидкой кашей, кусок черствого хлеба, чашка с чем-то, отдаленно напоминающим чай. Она не была голодна, но заставила себя съесть несколько ложек — силы понадобятся. Она сидела, глядя на еду и думала о Лауре. Как она выглядит в реальности? Такая же дерзкая, как на фотографии? Или тюрьма сломала ее? Она подошла к двери, постучала. Через минуту в окошке появилось лицо охранника.

- Чего тебе?

- Скажите, можно попросить книгу? - спросила Ника. - Я не хочу сходить с ума от одиночной камеры. Мне нужно чем-то занять мозг.

- Книги только по запросу. Я передам начальству.

- Спасибо. Передайте, что я хочу что-нибудь с детективом или психологией. Люблю разгадывать загадки.

Охранник фыркнул и исчез. Ника вернулась на койку и снова уставилась в потолок. Она не ждала быстрого ответа. В тюрьмах редко относятся к просьбам с энтузиазмом. Но к ее удивлению, уже через два часа в окошке снова появился тот же охранник. Он просунул тонкую потрепанную книгу с пожелтевшими страницами.

- Держи. Нашли в библиотеке. Сказали, что тебе понравится.

Ника взяла книгу и посмотрела на обложку. Это был старый детективный роман какого-то малоизвестного испанского автора. Она улыбнулась.

- Спасибо. Вы меня спасаете.

- Не благодари. Начальник сказал, если будешь хорошей девочкой, могут дать еще через пару дней.

- Буду паинькой, - заверила Ника.

Дверь закрылась и она осталась одна с книгой. Она открыла первую страницу, но не для того, чтобы читать. Она просто смотрела на буквы, давая мозгу хоть какую-то пищу. День подходил к концу, но одиночество не отступало. Она легла на койку, свернулась калачиком и попыталась заснуть. Сон не шел. Вместо этого она слушала тишину, которая давила на уши и думала о том, что через неделю ее переведут в общий блок. Ника закрыла глаза и начала считать до тысячи. Это помогало ей не сходить с ума.

Глава четвертая

Спустя неделю карантина Ника уже знала каждую трещину в потолке своей одиночной камеры. Она прочитала книгу дважды, выучила наизусть расписание смен охраны и научилась различать шаги конвоиров по коридору. В понедельник утром замок щелкнул, и дверь открылась.

- Выходи, - сказал конвоир. - Твой карантин окончен.

Ника встала, поправила тюремную робу и вышла в коридор. Впервые за семь дней она чувствовала не только стены своей камеры, но и пространство вокруг. Коридор казался огромным, почти бесконечным. Конвоир молча повел ее по длинному переходу. Они прошли через несколько зон, мимо решеток и закрытых дверей, пока не оказались перед массивной дубовой дверью с табличкой: «Офис начальника тюрьмы».

- Заходи, - сказал конвоир, открывая дверь.

Ника переступила порог. Кабинет начальника был обставлен со вкусом. В отличие от серых, безликих коридоров, здесь было уютно: кожаное кресло, дорогие картины на стенах, большой письменный стол с лампой под зеленым абажуром. На подоконнике стояли цветы живые и ухоженные. За столом сидела женщина. На вид ей было около сорока, с идеальной укладкой, в белоснежной блузке и строгом пиджаке. Она смотрела на Нику с легкой улыбкой, которая могла означать что угодно - от приветствия до оценки. Рядом с ней, чуть позади, стоял мужчина. Высокий, подтянутый, с квадратной челюстью и внимательными глазами. Он держал папку с документами, и вид у него был такой, будто он готов записать каждое слово. Женщина встала из-за стола и вышла навстречу Нике.

- Проходите, Николь, присаживайтесь, - сказала она мягко, но с нотками стали в голосе.

- Меня зовут Эстер, я начальник этой тюрьмы. А это мой заместитель, Горацио.

Ника кивнула, подошла к столу и села на предложенный стул. Она старалась держаться спокойно, но чувствовала, что каждое движение оценивается. Эстер села напротив, сложила руки на столе.

- Я ознакомилась с вашим делом. Убийство, ограбление, сопротивление при аресте. Серьезный послужной список для женщины, которая, судя по документам, работала управляющей отеля.

- Люди меняются,

- Да, - согласилась Эстер. - Иногда в худшую сторону. Но я не судья. Моя задача обеспечить порядок в этой тюрьме. И я хочу, чтобы вы знали здесь действуют свои правила. В отличие от мужских тюрем, у нас нет жесткой иерархии и понятий. Здесь имеет значение лишь срок отсидки, статья, по которой вы осуждены, и самое главное, поведение. Те, кто ведет себя хорошо, могут рассчитывать на послабления. Те, кто нарушает правила, сидят в карцере.

Горацио подал Эстер папку, она открыла ее и пробежала глазами по тексту.

- Я слышала, что во время ареста вы оказали активное сопротивление, - сказала она, поднимая на Нику взгляд. - Это не может не настораживать. Но вы также два дня вели себя спокойно, не конфликтовали с другими заключенными в камере и не нарушали распорядок в карантине.

- Старалась, - ответила Ника.

- Хорошо, - кивнула Эстер. - Теперь несколько правил, которые вам нужно знать. Во-первых, не грубите конвоирам и старшим по камере. Во-вторых, не болтайте лишнего. В тюрьме языки — это оружие и оно может быть направлено против вас. В-третьих, не затрагивайте чужие интересы и личное пространство. У каждой заключенной здесь есть свои границы. Пересекать их не стоит. Если вы будете придерживаться этих простых правил, у вас не будет проблем. Вы будете жить в общей камере с четырьмя женщинами. Надеюсь, вы сможете найти общий язык.

- Постараюсь.

- Тогда я передаю вас Горацио, - сказала Эстер, поднимаясь. - Он проведет вас в вашу камеру и расскажет о режиме. Добро пожаловать в вашу новую жизнь, Николь.

Ника поднялась, пожала протянутую руку и повернулась к Горацио. Тот открыл дверь, пропуская ее вперед.

- Следуйте за мной, - сказал он.

Когда дверь закрылась, она услышала, как Горацио тихо сказал.

- Начальница произвела на вас впечатление?

- Она умная женщина, - ответила Ника. - Это всегда опасно.

Горацио хмыкнул и повел ее по коридору. В наушнике раздался тихий голос Игоря:

- Эстер бывший адвокат. Работает здесь пять лет. Строгая, но справедливая. Будь осторожна.

Она шла за Горацио по длинному коридору и в голове уже крутился план. Ей нужно было найти Лауру, приблизиться к ней и завоевать доверие. Но сначала освоиться в новой среде. Общая камера, четыре незнакомые женщины и неизвестно, кто из них друг, а кто враг. Горацио шел по коридору и Ника чувствовала на себе его изучающий взгляд. Он поглядывал на нее искоса, с легким прищуром, как будто пытался разгадать загадку. Она молчала, но через несколько минут не выдержала.

- Что вы так на меня смотрите? - спросила она, не оборачиваясь.

Горацио хмыкнул, немного ускорил шаг, чтобы поравняться с ней.

- Смотрю и думаю, - сказал он. - Красивая ты слишком. Такие на воле обычно живут, а не в тюрьме сидят. Что тебе дома не сиделось?

Ника усмехнулась, но ничего не ответила. Горацио остановился у решетчатой двери, открыл ее жестом и пропустил ее вперед. Они оказались в небольшом помещении, склад с полками, на которых лежали аккуратно сложенные тюремные робы, постельное белье и другие вещи.

- Сейчас ты получишь вещи, - сказал Горацио, указывая на стопку одежды. - Форма, белье, постельное. Заходи в камеру, обживайся. С завтрашнего дня начнется рабочий день.

- А что нужно будет делать? — спросила она.

- Определят тебя в швейный цех, - ответил Горацио, открывая какую-то папку. - Работа несложная, монотонная. Будешь шить форму для других тюрем.

- Я не умею шить,

- Ну тогда, может, определим тебя на кухню? Готовить будешь, помогать поварам.

Ника на секунду задумалась о своем кулинарном опыте. Она умела только заваривать кофе и разогревать еду в микроволновке.

- Я не умею готовить, - призналась она.

Горацио остановился, повернулся к ней и уставился с таким выражением, будто она только что сказала, что не умеет дышать.

- А что ты тогда умеешь? - спросил он с иронией.

Ника улыбнулась. В голове пронеслась мысль: «Ну, я умею стрелять, убивать плохих людей и организовывать побеги. Но вряд ли это стоит говорить вслух». Она пожала плечами и ответила.

- Ну... определите меня куда-нибудь. Я думаю, научусь.

Горацио посмотрел на нее долгим взглядом, потом покачал головой.

- Слушай, - сказал он, понизив голос. - От тебя проблем не будет? Ты не из тех, кто устраивает бунты и скандалы?

- Нет, не будет. Я не составлю вам проблем.

Она подумала про себя: «Именно за этим я сюда и пришла. Проблемы — это моя работа, Горацио. Просто вы еще не знаете, какие именно». Горацио вздохнул, записал что-то в своем блокноте.

- Ладно. Тогда тебя определят в библиотеку. Будешь помогать с книгами, убирать, выдавать заключенным литературу. Это спокойнее, чем шить или стоять у плиты.

Библиотека — это идеально. Там можно наблюдать, знакомиться, не привлекая лишнего внимания.

- Отлично. Библиотека звучит прекрасно.

- Тогда идем, покажу твою камеру. Там живут четыре женщины. Не все простые. Но ты, я смотрю, не из робких.

Ника шла за ним, сжимая стопку с вещами, и чувствовала, как адреналин начинает пульсировать в крови. Новая камера, новые люди. Когда Горацио открыл дверь камеры и жестом пригласил Нику войти, она на мгновение замерла на пороге. Камера была небольшой, но чистой. Четыре двухъярусные койки, прикрученные к полу, маленький столик с несколькими стульями, шкафчик для личных вещей. Окно под потолком с решеткой пропускало тусклый свет и в этом свете Ника разглядела трех женщин, которые уже жили здесь. Она переступила порог, огляделась и не сразу узнала Лауру.

На фотографии, которую показывала Мария, была запечатлена красивая рыжая девушка с голубыми глазами. Модная стрижка, умеренный макияж, приятные черты лица, на воле она явно умела за собой ухаживать, и на фото это было видно: ухоженные локоны, легкий румянец, свежий и здоровый вид. Теперь же Лаура сильно изменилась. Она сидела на нижней койке, поджав ноги и смотрела в стену. Жуткая оранжевая роба, тусклая и мешковатая, скрывала фигуру. Никакой прически, волосы были стянуты в небрежный пучок на затылке, выбившиеся пряди свисали вдоль лица. Ни следа косметики. Кожа была бледной, почти прозрачной, с землистым оттенком, который появляется у тех, кто слишком долго не видел солнца. Глаза, которые на фотографии сияли, теперь были потухшими, затравленными, с темными кругами под ними.

Но самое страшное — это синяки. Свежие, багровые, они темнели на руках, запястьях, виднелись на шее. Их было много и они явно были разного срока давности - от ярко-фиолетовых до желтеющих, заживающих. Ника заметила, как Лаура инстинктивно прикрыла руками шею, когда увидела новенькую. Либо ее прессуют, либо она просто неуклюжая. Но судя по взгляду прессуют. Здесь кто-то очень не любит Лауру. Она решила пока не торопиться с контактом. Сначала нужно осмотреться, понять динамику в камере, узнать, кто есть кто. Высочка не ее стиль. Она просто поправила стопку вещей в руках и сделала шаг внутрь.

Первой к ней подошла блондинка. Женщина была примерно одного возраста с Никой, но выглядела старше из-за сальных, неопрятно собранных волос, глубоких морщин вокруг глаз и постоянного нервного подергивания губ. Она улыбнулась, обнажив желтоватые зубы, и протянула руку.

- Привет. Я Элен. Добро пожаловать в наш маленький рай.

- Я Ника.

- Это Лаура, - она указала на брюнетку, которая даже не повернула головы. - А это Сигурни.

Ника подняла глаза. На верхней полке лежала третья женщина - высокая, стройная, с рыжими волосами и азиатскими чертами лица. Она немного привстала, лениво махнула рукой в знак приветствия и тут же снова упала на матрас, закрыв глаза.

- Привет, - коротко бросила она.

- Приятно познакомиться.

Ника прошла к свободной нижней койке. Положила вещи, присела на край матраса, пружины жалобно скрипнули. Ей было неудобно, но она держалась спокойно. В камере повисла неловкая тишина. Элен уселась на свой стул и принялась что-то вышивать, она держала в руках кусок ткани с цветами. Лаура не двигалась, как статуя. Сигурни, казалось, уже спала.

- Ника, - сказала Элен, прерывая тишину. - Откуда ты у нас? По какой статье?

- Убийство, ограбление, - ответила Ника безразлично. - Сопротивление при аресте.

- Ого. А выглядишь не как убийца.

- А как я должна выглядеть? - улыбнулась Ника.

- Ну... не знаю. Страшнее, что ли. Или злее.

- Я умею скрывать эмоции.

На верхней полке Сигурни фыркнула, но промолчала. Лаура наконец шевельнулась. Она повернула голову и впервые посмотрела на Ника. Взгляд был тяжелым, испытующим, с нотками страха и недоверия. Она будто пыталась прочесть ее мысли, понять, кто перед ней друг или враг. Ника встретила ее взгляд и чуть заметно кивнула.

- Привет, Лаура,

Лаура ничего не ответила. Она отвела взгляд и снова уставилась в стену. Дверь в камеру снова открылась. На пороге стоял конвоир.

- В душ бегом! - рявкнул он. - Через два часа ужин. У вас двадцать минут, так что не задерживайтесь.

Он захлопнул дверь и в камере началось оживление. Сигурни, которая до этого лежала с закрытыми глазами, мгновенно прыгнула с верхней полки. Она двигалась с кошачьей грацией, быстро и бесшумно, подошла к своему шкафчику и достала маленькую сумку с принадлежностями - мыло, мочалка, расческа. Взгляд ее стал сосредоточенным, она явно не собиралась упускать шанс помыться.

- Можно я тоже в душ? - поинтересовалась Ника.

Сигурни обернулась и окинула ее коротким взглядом.

- Разумеется. Только не копайся долго. Горячая вода здесь редкость. Если пропустишь свой момент, будешь мыться холодной.

- Холодной водой меня не напугать. Я после изолятора, готова даже в реке искупаться.

- Тогда пошли. Посмотрим, насколько ты смелая.

Они вышли в коридор и Ника заметила, что Лаура тоже взяла свои вещи и двинулась следом, но держалась позади, почти незаметно. Она шла тихо, стараясь не привлекать внимания, опустив голову и прикрывая руками запястья с синяками. Душевая оказалась большой, прямоугольной комнатой с десятью кабинками, отделенными друг от друга низкими перегородками. Из некоторых кабинок уже шел пар. В углу сидела женщина-надзирательница и безучастно листала журнал. Вокруг былолюдно. Женщины толпились у входа, ожидая своей очереди. Кто-то раздевался прямо в коридоре, не стесняясь. Кто-то громко переговаривался, смеялся, обсуждал что-то свое. Ника встала в очередь, стараясь не привлекать внимания. Она наблюдала за Лаурой, та стояла в сторонке, почти у стены и ждала, когда освободится какая-нибудь кабинка. Лаура не смотрела по сторонам, не переговаривалась, просто ждала. Время шло, очередь продвигалась медленно. Сигурни уже зашла в кабинку и Ника слышала, как она крикнула.

- Эй, поторопитесь! Вы не одни здесь!

Никто не ответил. Вода шумела, пар клубился и казалось, что очередь почти не двигается. Когда Ника наконец зашла в кабинку, горячая вода уже начала остывать. Она быстро намылилась, сполоснулась и почувствовала, как струя стала ледяной. Выключила воду, вытерлась и начала одеваться. Сквозь шум воды в соседних кабинках она услышала какой-то звук, глухой удар, вскрик, затем смех. Ника выглянула из-за перегородки. Лаура стояла у выхода из душевой, мокрая, с полотенцем в руках. Рядом с ней стояла высокая, накачанная женщина с короткой стрижкой и татуировкой на предплечье. Ника еще не знала ее имени, но уже поняла, что это кто-то влиятельный. Рядом с ней стояли еще две женщины, ухмыляясь. Лаура выключила воду и собралась выйти из кабинки. Высокая женщина, проходя мимо, нарочно толкнула ее плечом. Лаура не ожидала толчка, потеряла равновесие, поскользнулась на мокром полу и с глухим звуком растянулась на кафеле. Полотенце упало в сторону. Высокая женщина наклонилась над ней и сказала громко, чтобы слышали все:

- Ой, какая неприятность... Нужно быть аккуратнее. А то так и шею можно сломать.

Она засмеялась и ее подруги поддержали смех. Лаура медленно поднялась, не глядя на обидчицу. Она молча подобрала полотенце, накинула его на плечи и, пошатываясь, направилась к выходу. Она никому не пожаловалась, не сказала ни слова. Просто ушла. Ника стояла, вцепившись в край перегородки и смотрела на это. Внутри что-то закипала злость, смешан-

ная с сочувствием. Она видела, как Лаура пошла к выходу, вытирая мокрое лицо и поняла. Лаура не просто боится. Она сломлена. Ее прессуют, унижают и она не сопротивляется, либо из страха, либо потому, что считает это бесполезным. Ника быстро оделась и вышла из душевой. Она шла по коридору, догоняя Лауру, но не стала окликать ее, пока не время. Но в голове уже созрел план.

После душа все направились в столовую. Запах еды смешивался с запахом пота, сырости и дешевого мыла. Длинные пластиковые столы, прикрученные к полу, железные подносы, гул голосов. Ника взяла поднос с жидкой кашей, куском хлеба и стаканом компота. Она оглядела зал, выбирая место. Лаура уже сидела за столом в дальнем углу, одна и смотрела в тарелку, не поднимая глаз. Ника решила не навязываться и села за стол через три от нее, чтобы видеть, что происходит. Столовая была небольшой, поэтому на еду давали всего двадцать минут. Если не успевал, значит не судьба. Женщины торопились, хватали еду, переговаривались между собой. Ника заметила, как за соседний стол сели несколько девушек, среди которых была высокая женщина, которая толкнула Лауру в душевой. Она жестом подозвала своих подруг и что-то шепнула им, кивая в сторону Ники. Те заулыбались. «Ну вот, - подумала Ника. - Началось». Высокая женщина поднялась, взяла свой поднос и направилась к Нике. Она села напротив, положив локти на стол, и уставилась на нее с ухмылкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.